Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Барсов

Святой Григорий Нисский, как проповедник

Опубликовано:
Христианское чтение. 1887. № 9-10. С. 312-347.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Св. Григорій Нисскій, какъ проповѣдникъ [1]).

I.

I. Черты жизни и личнаго характера св. Григорія.—II. Значеніе его въ исторіи церкви и богословія; общій характеръ его міровоззрѣнія; значеніе его въ исторіи проповѣди и общая характеристика его какъ проповѣдника.—III. Библіографія его проповѣдей и раздѣленіе ихъ на группы.—Обозрѣніе бесѣдъ на книгу «Пѣснь Пѣсней».—Бесѣды на кн. Экклезіастъ.—Третья и четвертая бесѣды Григорія на кн. Экклезіастъ. — IV. Бесѣды на молитву Господню и на блаженства. — V. Слова Григорія на разные случаи; слова догматическія.— VI. Слова на свое поставленіе и слова похвальныя.— Слова нравоучительныя и обличительныя.

О жизни св. Григорія до насъ не сохранилось такихъ подробныхъ свѣденій, какія мы имѣемъ о жизни другихъ великихъ отцевъ

---

[1]) Свѣденія о немъ и его богословской и проповѣднической дѣятельности: *Сократа* Ц. И. IV, 21, *Θеодорита* Ц. И. IV, 28, *Никифора* Hist. XI, 29, *Фотія* biblioth. cod. VI и VII, *Suidas* Lexicon, sub. nom. Gregorius; *Fabricius* biblioth. graeca I, 5, 20; *Oudin* de script. ecclesiast. t. 1, p. 583 sq., *Cave* hist. litter. t. 1, 244; *Dupin*, N. Biblioth. t. II, par. 2. *Tillemont* t. XIV; *Bellarmin* de script. ecclesiast. p. 148 sq., *Ceiller* hist. gener. des anteurs, t. VIII, p. 200, по изданію 1860 г. т. VI. p. 119—260; *Weisenbach*, elogu. patrum, t. III, p. 130, *Rupp*, Gregor's des Bischofs von Nyssa Leben und Meinungen, 1834; *Willemain*, tableau d'eloquence chretienne au IV siècle, Paris, 1854, p. 111—149 (русскій переводъ этого сочиненія въ «Духовной Бесѣдѣ» подъ редакц. протоіерея І. К. Яхонтова за 1874 г. т. II); *Heyns*, disputatio historico—theologica de Gregorio Nysseno, Lugd. 1835; *Stigler*: Die psychologie des heiligen Gregor von Nyssa, Regensburg 1857; *Vinzenzi*: in S. Gregorii et Orígenis scripta nova recensio, Roma, 1864; *Boudron*, doctrines psichologiques de S. Gregoire, Nantes, 1861; *Böringer*, Die Kirche Christi und Zeugen, Band 1, Stuttgart, 1876 г. *Weiss*, die grossen Kappadocier Basilius, Gregor von Nazianz und Gregor von Nyssa, als Exegeten. Braunsberg, 1872. На русскомъ языкѣ; въ сочиненіи К. И. *Скворцова*: «Философія отцевъ и учителей церкви», Кіевъ,

церкви IV вѣка. Время его рожденія относятъ къ 332-му году, основываясь на словахъ его брата, Василія Великаго, который, въ письмахъ къ Димосѳену, говоря о посвященіи Григорія въ епископа (что было въ 372 г.) замѣчаетъ, что при этомъ не было „оставлено безъ вниманія ни одного церковнаго правила, и важнаго и маловажнаго“ [1]), (слѣдовательно и того правила, по которому посвящаемый во епископы долженъ былъ имѣть не менѣе сорока лѣтъ отъ роду). О первоначальномъ его образованіи можно, конечно, сказать тоже, что говорено въ этомъ отношеніи о Василіи Великомъ: примѣръ и наставленія его матери Эммеліи, а также сестры Макрины, съ дѣтства развили въ немъ чувство вѣры и преданности церкви, а примѣръ отца, знаменитаго христіанскаго ритора, развилъ стремленіе послужить Церкви научнымъ знаніемъ и искусствомъ слова. О дальнѣйшемъ его образованіи нужно думать, что оно было главнымъ образомъ самообразованіемъ подъ руководствомъ старшаго брата, Василія, котораго Григорій, обращаясь къ младшему брату Петру, называетъ „отецъ нашъ“, „учитель нашъ“,

1872 г.; въ «Прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцовъ и учителей церкви»: статья архимандр. *Іорфирія*—т. XV (1856 г.), статья *анонима* —т. XX (1861 г.): рядъ статей изъ эсхатологіи и философіи Григорія—за 1885 и 1886 годы, которыя для русскихъ читателей могутъ вполнѣ замѣнить соотвѣтственныя главы въ сочиненіяхъ *Ritter'a* (Исторія христ. философіи, т. II-й) и Stöckl'я («Исторія философіи въ патристическій періодъ»); *Д. Тихомирова*: «св. Григорій Нисскій, какъ моралистъ», Могилевъ, 1886 г.; въ журналахъ: «Воскресное Чтеніе» и «Христіанское Чтеніе» нѣсколько статей о Григоріѣ и переводовъ изъ его твореній (см. по указателямъ къ этимъ журналамъ). Другія статьи и изслѣдованія о Григоріѣ см. у Миня въ Патрологіи, томъ XLIV и у Филарета черниговскаго въ «Историч. ученіи объ Отцахъ церкви».

Перечень изданій сочиненій св. Григорія Нисскаго (первое по времени *Кельнское* 1537 г.) см. у Селлье въ VI томѣ его Histoire generale des auteurs, по изд. 1860 г. и у Миня въ Patrologiae cursus completus, ser. graeca t. XLIX. Лучшія изъ нихъ: 1)—ex codd. manuscriptis graec. et latin. ed *Front. Ducaei*, Paris, 1615; 2) *Migne*, patrol. curs. compl ser. graeca t. XLIV. Въ это послѣднее вошли сочиненія Григорія, найденныя въ болѣе позднее время изданныя *Gretser*'омъ и *Aug. Mai*. Русское изданіе твореній Григорія въ восьми томахъ, Москва 1861—1872 г. не содержитъ въ себѣ всѣхъ даже несомнѣнно подлинныхъ твореній Григорія.

[1]) См. твор. Василія въ русск. переводѣ изд. московск. акад. т. VII, стр. 137 (письмо 217).

„общій отецъ и учитель нашъ“ [1]), а себя и брата Петра — его „учениками“. Ни откуда не видно, чтобы онъ учился въ какомъ-либо изъ тѣхъ знаменитыхъ училищъ, въ которыхъ обучался Василій, или слушалъ кого-либо изъ знаменитыхъ мірскихъ учителей того времени, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которыхъ можно было имѣть въ Неокесаріи, какъ предполагаетъ преосв. Филаретъ [2]), на что указываетъ можетъ быть упоминаніе Григорія въ похвальномъ словѣ севастійскимъ мученикамъ [3]), о томъ, что при первомъ чествованіи этихъ мучениковъ, въ Севастіи, когда мать Григорія выражала желаніе, чтобы онъ присутствовалъ при этомъ, онъ, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, „*находился далеко*“ можетъ быть въ Неокесаріи, обучаясь въ тамошнихъ школахъ. Въ письмѣ къ Ливанію [4]), Григорій говоритъ, что его наставниками были Павелъ и Іоаннъ и прочіе апостолы и пророки; лишь что касается краснорѣчія, то ему онъ учился у брата своего Василія, впрочемъ непродолжительное время; а такъ какъ Василій учился у Ливанія, то онъ, Григорій, можетъ считать нѣкоторымъ образомъ и его, Ливанія, своимъ учителемъ. Затѣмъ изъ свидѣтельства Ѳеодорита [5]), вполнѣ согласнаго съ автобіографическими указаніями самого Григорія, видно, что научное образованіе его имѣло характеръ болѣе мірской, литературный — философскій, чѣмъ церковный, чѣмъ, вмѣстѣ съ необычайными дарованіями его ума, слѣдуетъ, можетъ быть, объяснять то обстоятельство, что въ своихъ сочиненіяхъ онъ является богословомъ-мыслителемъ, философомъ-богословомъ больше, чѣмъ самъ Василій. По окончаніи образованія Григорій избралъ для себя профессію отца, т. е. званіе учителя риторики, но указъ Юліана (360 г.), воспрещавшій эту профессію христіанамъ, заставилъ его обратиться къ служенію церкви, и онъ принялъ на себя должность анагноста (чтеца), которую оставилъ какъ скоро со смертію Юліана (363 г.) открылась возможность обратиться къ прежней профессіи, чѣмъ

[1]) См. твор. Григорія т. I, стр. 1, 2, 77.

[2]) Истор. ученіе объ Отц. ц. § 152.

[3]) Твор. Гр. VIII, 252.

[4]) Твор. Гр. VIII, 487.

[5]) Церк. ист. IV, 30, по рус. изд. стр. 296. слич. твор. Григорія Нисс. по рус. изд. т. VIII, стр. 488 и 491.

вызвалъ упрекъ Григорія Богослова [1]). Этотъ упрекъ подѣйствовалъ на Григорія, и онъ, удалившись въ уединеніе, занялся довершеніемъ своего христіанскаго образованія, изученіемъ твореній Оригена („духомъ котораго вѣетъ въ его сочиненіяхъ", какъ выражается Бёрингеръ), Ефрема и брата своего Василія. Спорятъ о томъ, какой былъ образъ жизни Григорія до епископства. Одни думаютъ, что находившаяся при Григоріи въ бытность его епископомъ въ качествѣ діакониссы Θеосва или Θеосевія была сначала его женою и что онъ даже имѣлъ сына Василія, и уже послѣ того какъ Григорій былъ избранъ въ епископы, Θеосва оставалась при немъ въ качествѣ лишь діакониссы [2]); другіе [3]) говорятъ, что Θеосевія была одною изъ родныхъ сестеръ Григорія и Василія. Въ подтвержденіе перваго мнѣнія ссылаются на то, что въ своемъ сочиненіи „о дѣвствѣ" [4]) Григорій говоритъ объ этой добродѣтели какъ о чуждомъ для себя благѣ,—при этомъ замѣчаютъ, что если Еммелія называла Θеосву своею дочерью (τέκος), то лишь въ смыслѣ невѣстки, жены своего сына; другіе указываютъ на то, что въ одной изъ эпиграммъ Григорія Богослова Θеосва называется τέκος Εμμελίας — чадомъ Еммеліи въ смыслѣ ея родной дочери, затѣмъ называется она—сестрою Григорія, ἀδελφή, въ собственномъ смыслѣ; а названіе ея „συζύγος μεγάλου Γρηγορίου—сожительница (жена) Григорія, въ письмѣ Григорія Богослова къ Нисскому объясняютъ въ смыслѣ „другъ" „сотрудникъ" „товарищъ" [5]). Какъ бы то ни было въ концѣ 371 г. или началѣ 372 г. Василій поставилъ его въ епископа Ниссы, небольшого городка въ Галатіи, недалеко отъ Кесаріи, который тѣмъ только и извѣстенъ въ исторіи, что имѣлъ своимъ епископомъ столь знаменитаго учителя. Но съ воцареніемъ Валента Григорій былъ удаленъ аріанами съ своей каѳедры подъ предлогомъ непра-

---

[1]) См. въ соч. Григорія Богослова письмо 16-е (43-е), по русск. изд. т. VI, стр. 117.

[2]) *Ceiller*, hist. gener. t. VI (по изд. 1860 г. стр. 120) *Heyns*, § 4.

[3]) Преосв. Филаретъ въ слѣдъ за Тильемономъ.

[4]) Твор. Григорія по рус. изд. т. VII, стр. 292.

[5]) Твор. Григорія Богослова, т. V, стр. 381—382.—Вопросъ этотъ нужно считать нерѣшеннымъ.

вильнаго будто бы употребленія имъ церковнаго имущества; и въ продолженіе трехъ лѣтъ—374, 375 и 376 г.—онъ переходилъ изъ одной мѣстности въ другую, энергически защищая вездѣ своимъ словомъ православіе. По смерти Валента онъ былъ возстановленъ на своей каѳедрѣ, а въ 370 году отъ собора антіохійскаго получилъ порученіе привести въ благоустройство церковь аравійскую, смущенную ересями антикомаріанъ и коллиридіанъ, изъ которыхъ первые не признавали непорочнаго дѣвства Богоматери, а вторые чтили ее какъ божество. Григорій Нисскій тяготился этимъ посольствомъ, и Григорій Богословъ, утѣшая его, писалъ ему по этому случаю: „добро тобою распространяемое, прочно, хотя ты и не стоишь на мѣстѣ. Развѣ станетъ кто винить солнце за то, что оно ходитъ вокругъ и изливаетъ лучи, оживотворяя все, что ни озаряетъ на пути своемъ; или хваля неподвижныя звѣзды, будемъ ли осуждать планеты, у которыхъ и самыя уклоненія отъ правильнаго теченія такъ стройны“ [1]). Впечатлѣнія Григорія, вынесенныя имъ изъ этого путешествія, равно какъ изъ пребыванія въ Палестинѣ, которую онъ посѣтилъ на обратномъ пути, относительно состоянія вѣры и благочестія въ этихъ областяхъ, были крайне неблагопріятны. „Боящіеся Господа, пишетъ онъ по поводу паломничества въ Палестинѣ, хвалите его въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ находитесь. Перемѣна мѣста не приближаетъ насъ къ Богу. Гдѣ бы ты ни находился, Господь придетъ къ тебѣ, если обитель души твоей окажется такою, чтобъ онъ могъ вселиться въ тебя. Если же внутренній твой человѣкъ исполненъ злыхъ помысловъ, хотя

---

[1]) См. твор. Григорія Богослова по русс. изд. ч. VI, письма 69, 64, 65, 66. Авторъ статьи о Григоріи Нисскомъ въ прибавленіяхъ къ твор. св. Отцовъ т. XX, (1861 г.) стр. 16 неправильно относитъ это письмо Григорія Богослова ко времени изгнаннического скитальчества Нисскаго. Въ надписаніи письма сказано прямо, что оно писано «по возвращеніи Нисскаго изъ изгнанія, когда ему поручено было обозрѣть отдаленныя церкви».—О ересяхъ антидикомаріанитовъ и коллиридіанъ см. у Епифанія Кипрскаго въ «Панаріѣ» (ереси $\frac{58}{78}$ и $\frac{59}{79}$ по русскому изданію москов. академіи соч. Епифанія т. V, стр. 236 и 277.

бы ты былъ на Голгоѳѣ, ты столько же не способенъ принять въ себя Христа, сколько и тѣ, которые не положили и начала своему спасенію. Развѣ Духъ Св. изливается обильно только на іерусалимлянъ"? и т. д. [1]). Въ 381 г. Григорій присутствовалъ на второмъ вселенскомъ соборѣ, произносилъ привѣтственное, а потомъ и надгробное слово его предсѣдателю, св. Мелетію, способствовалъ возведенію Григорія Богослова на константинопольскую каѳедру, дѣлалъ руководительныя наставленія его преемнику, Нектарію, которому оставилъ помощникомъ въ борьбѣ съ еретиками своего ученаго діакона Евагрія, и, если вѣрить Никифору Каллисту, по мысли св. Григорія Нисскаго, никейскій символъ вѣры дополненъ остальными числами, нынѣшняго никео-цареградскаго символа. На этомъ же соборѣ за нимъ лично были утверждены права, равныя съ преимуществами каѳедры кесарійской изъ чего возникли прискорбныя недоразумѣнія его съ преемникомъ Василія Великаго, Евлаліемъ. Въ 382 году онъ опять присутствовалъ на соборѣ въ Константинополѣ, гдѣ какъ и на предъидущемъ, былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Въ 385 году ему поручено было произнести надгробныя рѣчи дочери импер. Ѳеодосія, Пульхеріи, и императрицѣ Плациллѣ. Послѣдній разъ является онъ въ исторіи на константинопольскомъ соборѣ 394 г., въ актахъ котораго имя его значится между подписями митрополитовъ кессарійскаго и иконійскаго. Годъ кончины св. Григорія не извѣстенъ; судя по тому, что въ исторіи Златоуста его имя не упоминается, нужно думать, что онъ скончался въ послѣднихъ годахъ IV столѣтія и никакъ не позже 403 г., какъ предполагаетъ Селье [2]).

II.

Св. Григорій во всѣ времена пользовался величайшимъ уваженіемъ церкви. Древніе называли его по силѣ вѣры, святости жизни и по мудрости достойнымъ братомъ Василія Великаго [3]), Григо-

[1]) Твор. Григ. т. VIII, стр. 449—454.

[2]) Hist. generale des auteurs, по изд. 1860 г. стр. 125.

[3]) Vincent Lirinens. in commonitorio, cap. XLII.

рій Богословъ считалъ его правиломъ и закономъ всѣхъ добродѣтелей, мужемъ совершеннымъ, болѣе всѣхъ вѣдущимъ и божественное и человѣческое, образцомъ смиренія въ счастіи и терпѣнія въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни [1]). Седьмой вселенскій соборъ называетъ его „свѣтильникъ ниссеянъ, *именуемый всѣми отецъ отцевъ*“ [2]), Палладій Еленопольскій—мудрѣйшимъ, безстрастнѣйшимъ, стяжавшимъ славу апостольскую [3]). Такое выдающееся высокое положеніе въ современной ему церкви и значеніе для временъ послѣдующихъ св. Григорій стяжалъ высокимъ достоинствомъ и значеніемъ ученія, содержащагося въ его сочиненіяхъ. Его мнѣнія и его сочиненія, читанныя имъ на соборахъ, на которыхъ онъ присутствовалъ, имѣли болѣе или менѣе руководящее значеніе при соборныхъ разсужденіяхъ; на IV вселенскомъ соборѣ его сочиненія, по свидѣтельству Викентія Лиринскаго [4]) служили руководствомъ для опроверженія ереси Несторія. Вообще сумма новыхъ богословскихъ идей, внесенныхъ имъ въ общую сокровищницу христіанскаго ученія и въ обще-христіанское сознаніе не менѣе, если не больше, чѣмъ сколько сдѣлано въ этомъ отношеніи Василіемъ Великимъ или Григоріемъ Богословомъ.

Обладая менѣе пылкимъ темпераментомъ, меньшею горячностію и напряженностію чувства и большею кротостію и спокойствіемъ духа, чѣмъ Григорій Богословъ, св. Григорій Нисскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно ему, былъ больше человѣкъ созерцательнаго настроенія духа, чѣмъ практическій дѣятель. „Не практическая дѣятельность, а мысль и слово были дѣломъ его жизни“, справедливо замѣчаетъ Берингѐръ. И онъ, подобно Богослову, ничего такъ сильно не желалъ, какъ имѣть возможность всецѣло отдаться жизни созерцанія и научнымъ занятіямъ, по своему мягкосердечію не чувствуя себя способнымъ къ какого бы то ни было рода борьбѣ, которая неизбѣжна была для каждаго выдающагося церковнаго дѣя-

[1]) Григ. Богослова письма 37-е, 70-е и 182-е по русс. изд. т. VI, 281.

[2]) Собора VII-го дѣяніе VI-е по русс. изд. VII, 512.

[3]) Лавсаикъ въ ст. объ Евагріи. См. еще отзывы о немъ Василія Великаго въ письмѣ 56 (по русс. изд. твореній Василія т. VI, стр. 159.

[4]) In commonitorio, см. прим. 13.

теля въ это многомятежное и бурное въ церкви время. Тѣмъ не менѣе, какъ по собственному убѣжденію, такъ и въ слѣдствіе настоянія Василія, котораго Григорій любилъ и почиталъ болѣе отца, онъ рѣшился выступить на трудный подвигъ открытой борьбы съ врагами истины Христовой и не смотря на всѣ затрудненія, ему удалось благодѣтельно воздѣйствовать на ходъ церковныхъ дѣлъ его времени. Хотя въ началѣ, когда еще особенно сильны были аріане, его дѣятельность встрѣтили почти общею враждою, но его благородный и скромный характеръ, его глубокомысленная, философская и остроумная полемика, побѣдоносно сокрушавшая ереси Евномія и Аполлинарія, доставила ему общее уваженіе и тотъ почетъ во всей церкви, о которомъ мы упомянули выше.

По своему основному міровоззрѣнію Григорій былъ христіанскій мыслитель-философъ. Въ его сочиненіяхъ не мало настоящей чистой философіи, а христіанская философія отцевъ Церкви имѣетъ въ немъ одного изъ главныхъ, если не самаго главнаго представителя. При своемъ самостоятельномъ, оригинальномъ и глубокомъ умѣ, изучивъ древнихъ философовъ и ораторовъ (изъ числа которыхъ цитуетъ Исократа), особенно же ознакомившись съ сочиненіями Оригена, многія мнѣнія котораго онъ, впрочемъ, открыто порицаетъ, онъ является весьма удачнымъ продолжателемъ попытки этого учителя церкви объединить христіанское ученіе вѣры съ научною философіею и, удовлетворяя тѣмъ своей врожденной склонности къ отвлеченному мышленію, онъ, съ другой стороны, своимъ философствованіемъ о богословіи и богословствованіемъ о философіи полагалъ, такъ сказать, фундаментъ для научнаго богословія, развившагося много позже. Отъ однородности его метода съ пріемами богословствованія Оригена произошла та мысль его своеобразныхъ частныхъ мнѣній, которая превышаетъ итогъ подобныхъ мнѣній у самого Григорія Богослова, хотя подобно послѣднему, онъ всегда старается держаться въ строгомъ согласіи съ символическимъ ученіемъ церкви. Изъ всей массы его сочиненій можно указать лишь одно мнѣніе, которое казалось противнымъ символическому ученію церкви, которое старались объяснить въ свою пользу въ древности оригенисты, а въ позднѣйшее время ла-

тиняне: это мнѣніе о томъ, что не только „преуспѣвшіе на землѣ въ жизни духовной и безстрастіи (патріархи, пророки, апостолы и др.) достигнутъ вѣчнаго блаженства, но прочіе путемъ *исправительнаго воспитанія въ послѣдующей жизни, отрѣшившись въ очистительномъ огнѣ* отъ пристрастія къ веществу посредствомъ свободнаго вожделѣнія того, что благо, возвратятся въ предназначенный отъ начала въ удѣлъ нашему естеству благодати", что „по совершенномъ устраненіи зла изъ всѣхъ существъ, во всѣхъ снова возсіяетъ боговидная красота, по образу которой мы были созданы въ началѣ" [1]).

Эта склонность къ философской концепціи предметовъ ученія богословскаго вмѣстѣ съ склонностію къ риторическому ораторству сказалась въ значительной степени и въ проповѣднической дѣятельности Григорія. Уже когда, при перемѣнѣ имъ званія церковнаго клирика на занятія ритора, Григорій Богословъ упрекалъ его въ томъ, что онъ „захотѣлъ быть лучше риторомъ, чѣмъ христіаниномъ и бросивъ священныя удобопіемыя книги взядъ въ руки соленыя и непіемыя книги",—въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть предзнаменованія того, что когда онъ снова возвратится на служеніе церкви, въ своей проповѣднической и учительной дѣятельности онъ склонится въ сторону отъ установившихся типовъ ея по содержанію и формѣ. „Ты скажешь, говоритъ въ томъ же письмѣ Богословъ: развѣ я не былъ христіаниномъ, когда учился риторикѣ? и находитъ, что не смотря на то упомянутый поступокъ Нисскаго—замѣна служенія церковнаго анагноста профессіей ритора—былъ „уклоненіемъ къ худшему", „безславною славой". Но Григорій остался все-таки во всей послѣдующей своей дѣятельности съ неодолимою склонностію къ философствованію въ въ своемъ богословіи, къ философствованію и риторству въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. Наслѣдованная отъ отца, эта склон-

[1]) См. разсужденіе по поводу этого мнѣнія Григорія въ приб. къ творен. св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, т. XX, стр. 77. Авторъ статьи считаетъ это мѣсто сочиненія Григорія испорченнымъ или подложнымъ. Лучше разсуждаетъ авторъ статьи въ томъ же изданіи за 1885 г. «эсхатологія св. Григорія Нисскаго».

ность къ философіи и ораторству развилась въ немъ и окрѣпла среди занятій риторскою профессіей; ни уединенный образъ жизни, который велъ онъ нѣкоторое время, ни врожденная способность къ умозрѣнію и діалектикѣ не въ состояніи были подавить въ немъ любви къ краснорѣчію, въ которомъ это умозрѣніе и діалектика нашли себѣ полное приложеніе. Какъ въ своихъ догматическихъ изслѣдованіяхъ онъ является богословомъ-философомъ, то и въ своихъ проповѣдяхъ онъ не просто богословъ-учитель, но въ то же время философъ-риторъ. Его философскій складъ мышленія и зрѣлость умственнаго развитія, достигнутая самымъ лучшимъ способомъ — путемъ самообразованія сообщили ему способность говорить въ своихъ рѣчахъ основательно и оригинально, близкое знакомство съ науками естественными, замѣтное въ немъ почти въ той же мѣрѣ, какъ въ Василіѣ, а равно знаніе жизни и людей дало ему способность говорить популярно и общепонятно; его продолжительныя занятія риторствомъ надѣлили его ораторскимъ умѣньемъ примѣнять общія мысли къ разнообразнымъ житейскимъ положеніямъ и отношеніямъ. Врожденный талантъ и опять продолжительное упражненіе научили его говорить сжато, сильно и въ большинствѣ случаевъ ясно. Будучи преимущественно мыслителемъ-философомъ въ богословіи, онъ однако съ большимъ искусствомъ говоритъ и тогда, когда развиваетъ нравственныя наставленія, когда разоблачаетъ заблужденія человѣческаго сердца, когда знакомитъ слушателя съ нимъ самимъ или со внѣшнею природою. Порядокъ, стройность рѣчи, ясность и простота преобладаютъ въ его нравоучительныхъ проповѣдяхъ. Фотій вѣрно характеризуетъ проповѣдь Григорія, когда говоритъ, что Григорій „весьма сладкій, блистательный, чаруетъ слухъ пріятностію“ рѣчи (γλυκύτατος, λαμπρὸς καὶ ἡδονῆς ὡσιν ἀποστάτων) [1]). Хотя въ словѣ его нѣтъ того величія, какимъ отличаются проповѣди Василія, ни той возвышенности мысли и отчетливаго изящества языка, — какая свойственна проповѣдямъ Григорія Богослова, тѣмъ не менѣе безъ всякаго сом-

[1]) Biblioth. cod. VI.

нѣнія Григорій Нисскій—одинъ изъ самыхъ выдающихся ораторовъ древней вселенской церкви. О слабыхъ сторонахъ его ораторства легко сдѣлать предположеніе уже на основаніи вышесказаннаго: это склонность къ риторической декламаціи, оставшаяся отъ времени занятія риторической профессіей, цвѣтистость и непомѣрное иногда изобиліе украшеній въ рѣчи. Онъ любитъ говорить примѣрами и сравненіями, чрезъ что рѣчь его становится особенно общепонятною; но эти примѣры и сравненія у него невсегда удачно выбраны. Затѣмъ онъ обнаруживаетъ въ проповѣдяхъ много остроумія, свободно обращается ко всѣмъ областямъ естествознанія, чтобы, заимствуя оттуда объясненія, приблизить трактуемый предметъ къ пониманію слушателей; но при этомъ нерѣдко, по обычаю ораторовъ своего времени, онъ уклоняется отъ главнаго предмета рѣчи; еще чаще безъ нужды повторяется. Больше же всего Григорій любитъ аллегорію, которой у него, подъ вліяніемъ увлеченія Оригеномъ, больше чѣмъ у Василія, и гораздо больше чѣмъ у Григорія Богослова.

Это непомѣрное увлеченіе аллегоризированіемъ, при его постоянной заботѣ быть вѣрнымъ ученію церкви, не вредитъ чистотѣ его ученія, и, будучи направлено къ нравоученію, дѣйствительно много способствуетъ назидательности его сочиненій, но будучи нерѣдко натянутымъ и не въ мѣру изысканнымъ, тамъ, гдѣ цѣль его составляетъ объясненіе смысла св. Писанія, оно является, съ точки зрѣнія экзегезиса, нецѣлесообразнымъ. Примѣромъ такихъ изысканныхъ аллегорій можетъ служить слово на день крещенія Господня [1]), гдѣ какъ прообразы таинства крещенія объясняются всѣ тѣ факты ветхозавѣтной исторіи, гдѣ идетъ рѣчь о водѣ: кладязь, указанный въ пустынѣ ангеломъ Агари съ Измаиломъ, кладязь, при которомъ служитель Авраама встрѣтилъ Ревекку, колодцы, которые Исаакъ копалъ повсюду въ пустынѣ, а иноплеменники засыпали землею, колодезь, при которомъ Іаковъ встрѣтилъ Рахиль, и пр. Камень, на этомъ колодцѣ, который отвалилъ Іаковъ, есть Христосъ. Лаванъ иносказательно знаменуетъ дьявола, а Іаковъ—

[1]) См. соч. Григорія т. VIII, 1—25.

Христа. Іисусъ Навинъ, положивши въ потокѣ двѣнадцать камней, очевидно симъ предъизобразилъ двѣнадцать учениковъ, служителей крещенія. Илія возлившій воду на жертвенникъ, предвозвѣстилъ дѣйствіе таинства крещенія и т. д. и т. д.

III.

Библіографія сочиненій Григорія до сихъ поръ не установлена должнымъ образомъ и подлинность многихъ сочиненій его доселѣ оспаривается. Что касается его проповѣдей, то несомнѣнно подлинными изъ нихъ въ настоящее время признаются: 1) восемь бесѣдъ на книгу Екклезіаста, 2) пятнадцать бесѣдъ на кн. Пѣснь Пѣсней, 3) пять бесѣдъ о молитвѣ Господней, 4) восемь бесѣдъ о блаженствахъ евангельскихъ, 5) девятнадцать словъ на праздники господскіе и въ честь святыхъ и семь словъ на разные случаи. Проповѣди на Экклезіаста и Пѣснь Пѣсней суть *гомиліи экзегетическія*, въ которыхъ все содержаніе рѣчи и ходъ мыслей обусловливается содержаніемъ и ходомъ мыслей въ библейскомъ текстѣ, который онъ объясняетъ стихъ за стихомъ и нерѣдко слово за словомъ; проповѣди на молитву Господню и блаженства можно назвать *гомиліями синтетическими*, такъ какъ въ нихъ наблюдается большая доля самодѣятельности мысли проповѣдника; остальныя проповѣди суть *тематизованныя слова*, въ которыхъ все содержаніе—плодъ ораторскаго творчества проповѣдника и имѣетъ единство предмета, а иногда и дѣленіе, опредѣляющее ходъ раскрытія предмета въ проповѣди; такъ въ словѣ „къ скорбящимъ о преставившихся отъ настоящей настоящей жизни въ вѣчную“ проповѣдникъ въ началѣ прямо говоритъ: „въ разсужденіи нашемъ о предметѣ мы сохранимъ порядокъ, если изслѣдуемъ *во-первыхъ* въ чемъ состоитъ истинное благо, *потомъ* разсмотримъ свойство жизни въ тѣлѣ, а *за тѣмъ* сравнимъ настоящее съ тѣмъ, что соблюдается намъ упованіемъ [1]). Пятнадцать бесѣдъ на книгу „Пѣснь Пѣсней“ писаны для знаменитой Олимпіады, дочери про-

[1]) Соч. Григорія по русск. изд. т. VII, стр. 486.

консула Селевка, для которой, по случаю ея брака, Григорій Богословъ составилъ одну изъ своихъ поэмъ, излагающую отношенія жены къ мужу; къ ней же позже Златоустъ писалъ свои письма изъ изгнанія. Сдѣлавшись вдовою чрезъ двадцать мѣсяцевъ послѣ брака, эта знатная и благочестивая женщина раздѣлила большую часть своихъ богатствъ между бѣдными и церквами, въ томъ числѣ значительная часть ея пожертвованій досталась на долю церкви Нисской. Въ бытность свою въ Константинополѣ Григорій познакомился съ Олимпіадою, и получилъ отъ нея порученіе истолковать книгу „Пѣснь Пѣсней“: св. Григорій тѣмъ охотнѣе взялся за исполненіе этого порученія, что имѣлъ подъ руками Оригеново толкованіе на эту книгу, да и самъ предлагалъ уже объясненіе ея предъ своею паствой въ церкви, такъ что въ томъ видѣ, въ какомъ онъ адресовалъ это же толкованіе Олимпіадѣ, оно представляло лишь исправленный и дополненный текстъ того, что имъ приготовлено было „для народнаго слышанія“ [1]). Толкованіе Григорія, въ томъ видѣ, какъ сохранилось до насъ, не обнимаетъ, впрочемъ, всей книги и оканчивается лишь 8-мъ стихомъ 6-й главы. Самому толкованію текста книги предшествуетъ прологъ, въ которомъ проповѣдникъ развиваетъ свой взглядъ на способъ толкованія св. Писанія. Нѣкоторые принимаютъ за правила, говоритъ онъ, держаться лишь буквы Писанія; онъ, Григорій, думаетъ, что нѣтъ ничего несообразнаго въ томъ, чтобы въ св. Писаніи всячески уловлять полезное, и „если одно буквальное толкованіе достаточно, то имѣемъ въ готовности требуемое; если что сказано загадочно и предположительно, и по буквальному разумѣнію не служитъ къ пользѣ, то слѣдуетъ понимать въ иномъ значеніи, разумѣя какъ притчу, или темное слово, или какъ загадку, однимъ словомъ объяснять иносказательно. Основанія для того Григорій находитъ 1) въ авторитетѣ апостола Павла, который узаконяетъ такой методъ толкованія говоря, что письмо убиваетъ, а духъ животворитъ, что ветхозавѣтныя событія суть образы новозавѣтныхъ и пр. (Римл. VII, 14, 1 Кор. X, 11, 2 Кор. III,

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 10—11.

6, 16, Гал. IV, 20, 24); 2) въ томъ обстоятельствѣ, что многое въ св. Писаніи, если понимать его буквально, будетъ соблазнительно и опасно для добродѣтели, такъ, напримѣръ, когда оно говоритъ о грѣхопаденіи Давида, о супружествѣ Осіи, объ Исаіи, входящемъ къ женѣ пророчицѣ и т. д. (этотъ аргументъ заимствовалъ онъ у Оригена); 3) въ примѣрѣ І. Христа, который нѣкоторыя ветхозавѣтныя событія повелѣваетъ разумѣть не иначе, какъ въ смыслѣ духовномъ (Марк. XI, 12, Мѳ. XXII, 24); да и въ Евангеліи многаго нельзя разумѣть буквально, какъ напримѣръ слова І. Христа о хлѣбѣ, сходящемъ съ небесе, о живой водѣ и т. д. Ограничиться однимъ буквальнымъ толкованіемъ значило бы тоже, что предлагать на трапезу самое хлѣбное произрастеніе, а не хлѣбъ выдѣланный изъ него. Впрочемъ высказывая такія понятія, проповѣдникъ не даетъ подробныхъ правилъ, когда же именно кромѣ буквальнаго смысла слѣдуетъ искать въ Писаніи смысла аллегорическаго и таинственнаго. Подобно Василію онъ признаетъ буквальный смыслъ въ сказаніи книги Бытія о шести дняхъ творенія, вопреки Оригену; но самъ сказанье той же книги о кожаныхъ ризахъ прародителей объясняетъ иносказательно, разумѣя подъ этими ризами мертвенность, свойственную безсловеснымъ.

Выходя изъ своего взгляда на способъ толкованія, Григорій старается „темное и сокровенное въ рѣченіяхъ любомудрія въ книгѣ Пѣснь Пѣсней сдѣлать болѣе доступнымъ и удобопонятнымъ, чтобы и людямъ плотскимъ придти въ духовное и невещественное состояніе души, къ коему ведетъ эта книга сокровенною въ ней премудростію“. Говоря вообще, онъ допускаетъ иносказательный смыслъ совмѣстно съ буквальнымъ. Такъ въ объясненіи 4-й главы, ст. 13 и 14, проповѣдникъ сначала излагаетъ свѣденія о свойствахъ упоминаемыхъ въ этомъ мѣстѣ растеній, необходимыя для уразумѣнія буквальнаго смысла, а потомъ уже переходитъ къ иносказательному нравоучительному толкованію [1]). Киннамонъ имѣетъ много свойствъ, почти невѣроятныхъ. Говорятъ, когда кипитъ вода, если коснется ея ароматъ этого растенія, тотчасъ остываетъ; если

[1]) См. соч. Григ. т. III, б. 9-я, стр. 247.

его внести въ жарко натопленную баню, жаръ претворяетъ въ прохладу, и имѣетъ свойство уничтожать зараждающихся отъ гнилости животныхъ. Если его положить въ ротъ сонному, ничто не препятствуетъ человѣку и во время сна отвѣчать на предложенные вопросы. Впрочемъ, замѣчаетъ Григорій, утверждать, что это дѣйствительно такъ, не дознавъ опытомъ истины разсказываемаго, было бы опрометчиво. Затѣмъ проповѣдникъ дѣлаетъ такое нравственное примѣненіе этихъ стиховъ. „Въ душѣ обученныхъ и разсудительныхъ можно находить этотъ киннамонъ, когда кто, пламенѣя похотью или гнѣвомъ, угашаетъ страсти разсудкомъ. Или кто во время житейскаго сна имѣетъ въ устахъ этотъ трезвенный киннамонъ помысла, и подобно неусыпнымъ ангеламъ, обнаруживаетъ въ себѣ неногрѣшительное пониманіе сказуемаго, а въ истинѣ ученія подражаетъ неусыпающему естеству ангеловъ, которыхъ никакая необходимость какого-либо представленія не отвлекаетъ отъ истины,— о томъ можно сказать, что изъ устъ его источается киннамонъ“... Вообще же толкованія Григорія на книгу Пѣснь Пѣсней довольно изысканны и натянуты; такъ, напримѣръ, зубы невѣсты означаютъ у него наставниковъ, разбирающихъ уроки и дѣлающихъ ученіе удобопонятнымъ; мyро означаетъ добродѣтель, которая удалена отъ зловонія грѣховъ; серна означаетъ остроту зрѣнія у назирающаго всяческая и т. д. [1]). Не представляя противорѣчій ученію вѣры, эти аллегорическія толкованія всегда исполнены назиданій, которыя проповѣдникъ искусственно связываетъ съ текстомъ, причемъ имѣетъ настолько такта, что при каждомъ своеобразномъ толкованіи текста оговаривается, что это—его личное мнѣніе, что можетъ быть слѣдуетъ понимать иначе. Такъ при объясненіи словъ: *введите мя въ домъ вина, вчините ко мнѣ любовь*, замѣтивъ, что невѣста проситъ подчинить ее любви, а любовь, по слову св. Писанія, есть самъ Богъ, подчинить которому душу есть спасеніе,—что слѣд. вообще здѣсь говорится о подчиненіи души любви, проповѣдникъ замѣчаетъ: А *можетъ быть* этими словами научаемся мы одному изъ высшихъ достоинствъ, именно тому, когда любовь надлежитъ

[1]) Соч. Григ. т. III, стр. 107.

воздавать Богу и какое имѣть расположеніе къ ближнимъ [1]). Затѣмъ заслуживаетъ вниманіе та эрудиція въ современномъ естествознаніи и вообще въ наукѣ морской, какою на каждомъ шагу блистаетъ проповѣдникъ въ бесѣдахъ на „Пѣснь Пѣсней". Таково описаніе всѣхъ предметовъ природы, упоминаемыхъ въ объясняемыхъ имъ текстахъ или изслѣдованіе цѣлесообразности въ устройствѣ человѣческаго тѣла [2]).

Свида [3]) говоритъ о *многихъ* проповѣдяхъ Григорія на Екклезіастъ; подобнымъ образомъ Поссини [4]) говоритъ о толкованіи Григоріемъ всей книги Екклезіаста; но въ настоящее время извѣстно всего лишь восемь гомилій на эту книгу, изъ которыхъ послѣдняя заканчивается объясненіемъ 13 стиха третьей главы. По характеру построенія и изложенія эти бесѣды ничѣмъ не отличаются отъ бесѣдъ на книгу Пѣснь Пѣсней. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, послѣ краткаго вступленія, проповѣдникъ обыкновенно ставитъ нѣсколько стиховъ въ началѣ бесѣды и потомъ объясняетъ ихъ слово за словомъ, послѣ чего слѣдуетъ заключеніе, большею частію ничѣмъ не связанное къ цѣлымъ составомъ бесѣды. Объясненія также состоятъ изъ сравненій и примѣровъ, заимствуемыхъ изъ природы, жизни человѣческаго общества и изъ текстовъ св. Писанія. Вообще и эти бесѣды имѣютъ весь характеръ гомилій экзегетическихъ. Относительно смысла, и здѣсь толкователь главнымъ образомъ держится метода аллегорическаго, какъ и во всѣхъ вообще бесѣдахъ на ветхій Завѣтъ, хотя здѣсь, по свойству предмета, аллегоріи его болѣе естественны и основательны и не такъ часты, не рѣдко уступая мѣсто объясненіямъ въ смыслѣ прямомъ и буквальномъ. Въ началѣ проповѣдникъ объясняетъ цѣль своихъ толкованій, которая состоитъ въ томъ, „чтобы не показаться нарушителями заповѣди испытывать писанія"—и „поставить умъ своей паствы выше чувства, оставивъ, наконецъ, все, что въ существахъ есть кажущагося великимъ и блистательнымъ, обратиться къ тому,

---

[1]) Тамъ же, т. III, 105.

[2]) Тамъ же, т. III, стр. 80, 87, 96, 97, 123, 201.

[3]) Sub nom. Gregorius, p. 627.

[4]) In Thesaurus ascetic. p. 8.

что недоступно чувственному пониманію, преуспѣть въ жизни добродѣтельной, и такимъ образомъ достигнуть жизни вѣчной". Проповѣдникъ весь проникся основною тенденціей и духомъ Екклезіаста: тяжелою и неприглядною представляется ему жизнь со всѣми ея радостями. Суета суетствій—таково опредѣленіе жизни и самого Григорія. Проповѣдникъ поучаетъ не любить то, что любитъ міръ, приглашаетъ слушателей возлюбить скорби и страданія, которыми душа очищается какъ золото въ горнилѣ. Нынѣ время плача и скорби; радоваться предоставлено въ упованіи, — настоящая печаль содѣлается матерію ожидаемаго веселія. И кто не въ слезахъ и скорби будетъ проводить жизнь, если только придетъ въ чувство и узнаетъ, что имѣлъ и что потерялъ, въ какомъ состояніи естество его было первоначально, и въ какомъ оно въ настоящее время! Смерти тогда не было, болѣзнь не появлялась; *мое* и *твое*—эти лукавыя рѣченія въ началѣ вовсе не имѣли мѣста въ жизни. Ибо какъ были общими солнце и воздухъ, а прежде всего благодать Божія и Божье благословенье, такъ право участія во всякомъ благѣ одинаково принадлежало всѣмъ, незнакомъ былъ недугъ любостяжанія, не было ненависти у имѣющихъ меньше къ владѣтелямъ большаго, даже вовсе не было и этого большаго. „Что назоветъ кто первымъ изъ золъ житейскихъ? Все одно съ другимъ равноцѣнно, все одно у другого предвосхищаетъ первенство въ превосходствѣ золъ, все дѣлается поводомъ къ слезамъ. За что болѣе сѣтовать на естество? За скромность ли или многотрудность жизни? За то ли, что слезами она начинается и слезами оканчивается? За жалкое ли младенчество? За скудоумье ли въ старости? За непостоянство ли юности? За обремененіе ли трудами въ совершенномъ возрастѣ? За тяготу ли супружества? За одиночество ли въ жизни безбрачной? За безчадіе ли, не оставляющее по себѣ корня? За то ли, что богатство возбуждаетъ зависть, а нищета мучительна?" [1]). Св. отца тревожитъ и смущаетъ, что люди живутъ не такъ, какъ велитъ законъ евангельскій, погружены въ одни лишь житейскія заботы, служатъ страстямъ,

[1]) Соч. Григ. Нис. т. II, стр. 306—307.

предаются любостяжанію, роскоши и другимъ порокамъ, а объ истинномъ благѣ, благѣ духовномъ, не помышляютъ. Отсюда частыя въ этихъ проповѣдяхъ увѣщанія и обличенія. Какъ на главный мотивъ къ исправленію жизни и къ добродѣтели проповѣдникъ, подобно Ефрему Сирину, указываетъ на будущій страшный судъ и мздовоздаяніе. Вообще господствующій тонъ этихъ проповѣдей—аскетическій, и все содержаніе ихъ отзывается нѣкоторымъ однообразіемъ.

IV.

Изъ этихъ бесѣдъ особеннаго вниманія заслуживаетъ *третья*, какъ по энергіи обличеній, такъ по тѣмъ замѣчательнымъ картинамъ современнаго проповѣднику быта и нравовъ христіанскаго общества, какія мы въ ней находимъ.

«*Возвеличихъ твореніе мое, создахъ ми домы.* Слово (Екклезіаста) прямо начинается осужденіемъ. Ибо говоритъ: *возвеличихъ* не Божіе *твореніе*, которое и я самъ, но *мое*. А мое твореніе не иное что, какъ то, что доставляетъ удовольствіе чувству. Кто однажды вдался въ вещественность, тому естественно смотрѣть постоянно на то, откуда происходитъ удовольствіе. Какъ вода, проведенная изъ одного источника, остается тою же водою, хотя бы текла тысячами ручьевъ: такъ и удовольствіе, будучи по природѣ одно, течетъ повсюду, принимая различный видъ, присоединяя и себя къ потребностямъ жизни. Жизнь сдѣлала необходимымъ для естества жилище. Но удовольствіе и здѣсь понудило человѣка преступить предѣлы потребности. Не тѣлу только доставляя въ домѣ потребное, но готовя пріятности и услажденія глазамъ, едва не плачетъ о томъ, что неба не сдѣлалъ верхнимъ жилищемъ своимъ, и что не имѣетъ у себя лучей солнечныхъ, чтобы придѣлать ихъ къ потолку. Во всѣ стороны распространяетъ ряды построекъ, какъ бы нѣкую другую вселенную; стѣны возводитъ до чрезвычайной высоты, а внутренность жилищъ разнообразитъ расположеніемъ; камень изъ Лаконіи, Ѳессаліи и Кариста дѣлится желѣзомъ на тонкіе пласты, отыскиваются нильскія и нумидійскія ископаемыя. Съ великимъ стараньемъ отыскивается фригійскій камень, по бѣлизнѣ мрамора разсѣевающій глубокую багряность. Сколько стараній, сколько чертежей! Сколько ухищреній у распиливающихъ водою и желѣзомъ! Чистое стекло посредствомъ составовъ окрашиваютъ въ различные цвѣта. А кто опишетъ изысканное устройство потолковъ, на которыхъ дерева, бывшія кедрами, ухищреніемъ

искусства снова обращены въ мнимыя дерева, и съ помощью рѣзьбы произращаютъ вѣтви, листья и плоды! Умалчиваю о золотѣ, вытянутомъ въ тонкія, воздушныя плевы... Кто изобразитъ употребленіе слоновой кости на изысканное убранство входовъ, покрытіе золотомъ сдѣланной на нихъ рѣзьбы, гвоздями прибитые къ рѣсьбѣ листы серебра, или полы, блистающіе камнемъ различныхъ цвѣтовъ. Однимъ изъ зданій надлежитъ служить для состязаній въ бѣгѣ, другимъ — для прогулокъ, однимъ быть входными, другимъ—предвходными, инымъ—привратными. Недостаточнымъ для пышности почитаютъ имѣть врата и подъѣзды, широкій проходъ внутри воротъ, если входящимъ не встрѣчается чего-либо, что можетъ при входѣ изумить смотрящаго... Купальни съ великолѣпіемъ соединяютъ въ себѣ пользу, цѣлыми рѣками орошаютъ изъ обильныхъ водотечей; при нихъ устроены особыя помѣщенія для тѣлесныхъ упражненій, убранныя до излишества мраморами; около зданія крыльцо, подпертое столпами нумидійскими, ѳессалійскими, египетскими, мѣдь въ статуяхъ принимаетъ на себя тысячи видовъ, въ какіе мелочная прихотливость отливаетъ вещество; видны мраморныя изваянія и живописныя картины, зрители которыхъ совершаютъ блудъ очами, п. ч. искусство, подражая тому, что не бываетъ видимо, обнажаетъ это на картинахъ, да и что позволительно видѣть, изображено на нихъ въ изумительной красотѣ».

Отъ этого изображенія, представляющаго замѣчательную культурно-бытовую картину того времени, проповѣдникъ обращается къ нравоучительному наставленію.

«Но какъ подробно исчислить все, раченье о чемъ служитъ обличеніемъ нерадѣнія о томъ, что важнѣе? Знаю я другое золото,—оно добывается изъ глубины св. Писанія, другое сребро—слово Божіе разженное, которое какъ молнія осіяваетъ истиною. Въ невещественномъ храмѣ души различныя добродѣтели служатъ лучшими украшеніями, чѣмъ самоцвѣтные камни и стѣнныя убранства стѣнъ въ жилищѣ вещественномъ. Помостъ въ этомъ храмѣ пусть будетъ устланъ воздержаніемъ; упованіе небеснаго озаряетъ потолокъ, на который, взирая душевнымъ окомъ, можно узрѣть самый первообразъ красоты. Убранствомъ его пусть служатъ нетлѣніе и безстрастіе, правда и негнѣвливость, смиреномудріе и великодушіе, благочестіе. Любовь пусть въ наилучшемъ порядкѣ принаровитъ одно къ другому. Желаешь ли купелей? Имѣешь у себя домашнюю купель и водоемы, коею пользовался Давидъ (т. е. слезы). А столпы, поддерживающіе крыльцо души, дѣлай не какіе-либо фригійскіе: постоянство и неподвижность во всемъ добромъ да будутъ для тебя многоцѣннѣе этихъ вещественныхъ прикрасъ. Вожделѣвая состязаній въ бѣгѣ, имѣешь

вмѣсто сего упражненія въ заповѣдяхъ: въ путѣхъ правды хожду и посредѣ стезь оправданія живу, говоритъ премудрость. Кто такимъ образомъ приводитъ въ красоту свой внутренній храмъ, тотъ мало будетъ заботиться объ ископаемыхъ, не поѣдетъ въ индійскія моря покупать слоновую кость, напротивъ дома имѣетъ богатство».

Затѣмъ проповѣдникъ переходитъ къ изображенію воздѣлыванія винограда и вина, каковое приготовленіе считаетъ также однимъ изъ видовъ прихотливой роскоши своего времени. Это даетъ ему поводъ сказать о современномъ ему пьянствѣ. Это мѣсто проповѣди Григорія прекрасно восполняетъ ту картину чисто-языческихъ оргій современныхъ ему христіанъ, какую даетъ Василій В. въ словѣ „на упивающихся“: онъ подробно изображаетъ затѣйливыя церемоніи, какими обставлялись эти пиршества: штатъ виночерпіевъ—мужчинъ и женщинъ, красивымъ отроковъ, одѣтыхъ по женски, особыхъ пѣвцовъ, распѣвавшихъ во время оргіи сладострастныя пѣсни, одѣтыхъ такъ, что св. отецъ считаетъ за лучшее не говорить объ этомъ, „дабы въ людяхъ страстныхъ не раздражить ранъ однимъ напоминаніемъ“, и переходитъ къ подробному и чрезвычайно сильному изображенію послѣдствій пьянства и къ увѣщаніямъ, чрезъ аллегорію, быть виноградомъ Божіимъ въ смыслѣ духовномъ [1]). Въ этой же бесѣдѣ проповѣдникъ обличаетъ ростовщичество въ чертахъ, не менѣе сильныхъ, чѣмъ какъ это дѣлаетъ Василій въ своей бесѣдѣ на XIV псаломъ. Давать бѣдному деньги подъ проценты тоже, что заливать огонь масломъ. Ростовщичество есть тоже, что убійство и грабежъ, ибо какая разница имѣть у себя чужое, украденное тайно чрезъ подкопъ, или чрезъ убійство, сдѣлаться обладателемъ чужой собственности, и — вынужденнымъ ростомъ пріобрѣтать себѣ непринадлежащее?

Въ IV бесѣдѣ замѣчательно изображеніе и обличеніе учрежденія рабства по поводу словъ Екклезіаста: *Притяжахъ рабы и рабыни* (Еккл. II, 7). Проповѣдникъ находитъ, что рабовладѣлецъ дѣлаетъ своимъ достояніемъ—достояніе Божіе.

«На рабство осуждаешь человѣка, котораго естество свободно и самовластно, даетъ законъ вопреки Богу, извращая законъ, данный имъ есте-

[1]) Соч. Григ. Нис. ч. III, стр. 269 и слѣд.

ству. Созданнаго быть господиномъ земли, кого Творецъ поставилъ въ начальство, подводишь подъ иго рабства. Забылъ предѣлы своей власти, не помнишь, что начальство твое ограничено надзоромъ надъ безсловесными: да обладаетъ, сказано, птицами, рыбами и четвероногими (Быт. I, 26). Оставивъ подчиненное тебѣ превозноситься надъ самымъ свободнымъ родомъ, равноестественнаго тебѣ причисляя къ четвероногимъ. Вся покорилъ Богъ человѣку, его разуму — воловъ, скотовъ, овецъ. А развѣ отъ скотовъ произошли люди? Развѣ волы произвели человѣческій родъ? *Притяжахъ рабы и рабыни.* За какую, скажи, цѣну? Какое изъ существъ нашелъ ты равноцѣннымъ этому роду? Какой монетой оцѣнилъ разумъ? Сколько оволовъ поставилъ за образъ Божій? За сколько статировъ купилъ богозданную природу? *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію*, сказалъ Богъ. И этого, по подобію Божію сущаго, князя всей земли, отъ Бога наслѣдовавшаго власть надъ всѣмъ, что на землѣ, кто продаетъ и покупаетъ? И самъ Богъ не можетъ это дѣлать, ибо *нераскаянны дарованія Его* (Рим. XI, 29), не поработитъ естества нашего и Богъ, призвавшій въ свободу насъ, самовольно поработившихся грѣху. Какъ будетъ проданъ князь всей земли и всего, что на землѣ? Вѣдущій въ точности цѣнить естество человѣческое, сказалъ, что и цѣлый міръ — недостойный выкупъ за душу человѣческую (Мѳ. XVI, 26)... Что въ природѣ твоей прибавила власть надъ рабами? Ни времени, ни преимуществъ; и рожденіе твое отъ тѣхъ же людей, и образъ жизни такой же; и только, господствующимъ, и имъ, подчиненнымъ, въ равной мѣрѣ обладаютъ душевныя и тѣлесныя страсти, страданія и радости, всякія безпокойства, печали и удовольствія, раздраженія и страхи, болѣзни и смерть. Никакого нѣтъ въ этомъ различія у раба съ господиномъ. Не тотъ же ли воздухъ втягиваютъ въ себя дыханьемъ? Не такъ же ли смотрятъ на солнце? Не одинаково ли принятіемъ новой пищи поддерживаютъ естество? И оба по смерти не одинъ ли прахъ? Не одинъ ли судъ? Не общее-ли царство, не общая ли и геенна? Во всемъ имѣя равное, скажи, въ чемъ же имѣешь больше, чтобы тебѣ, будучи человѣкомъ, почитать себя владыкою человѣка?» [1]).

Изъ этихъ выдержекъ достаточно видна проповѣдническая манера Григорія въ этихъ его гомиліяхъ. По свойству содержанія объясняемой книги, содержаніе ихъ не экзегетическое, а почти всецѣло нравоучительно-обличительное.

Іоаннъ Дамаскинъ и Анастасій Синаитъ особенно хвалятъ бесѣды Григорія на *молитву Господню* и на *блаженства еван-*

[1]) Твор. Григ. Нис. т. II, стр. 256—260

гельскія. Первая бесѣда о *молитвѣ*—вступительная, болѣе тематизованное слово, чѣмъ гомилія, имѣетъ не только обозначеніе предмета проповѣди, но и раздѣленіе. Желая говорить о молитвѣ, проповѣдникъ указываетъ двѣ части, въ которыхъ онъ изложитъ ученіе объ этомъ предметѣ: именно будетъ говорить: 1) о необходимости молитвы и 2) о томъ, какъ должно молиться. Въ первой части изобразивши бытовыя обнаруженія недостатка молитвы въ современномъ ему обществѣ, сказавши о томъ, какъ „забвеніе о Богѣ преобладаетъ между всѣми“,—проповѣдникъ такъ опредѣляетъ молитву: она—охрана цѣломудрія, доброе направленіе чувствительности, обузданіе кичливости, средство отъ памятозлобія и зависти, крѣпость тѣлу, обиліе въ дому, благоустройство въ городѣ, могущество царства, побѣдный памятникъ брани, безопасность во время мира, печать дѣвства, вѣрность супружества, оружіе путешественникамъ, стражъ спящимъ, смѣлость бодрствующимъ, плодоносіе земледѣльцамъ, спасеніе плавающимъ, успокоеніе утружденныхъ, ободреніе скорбящихъ, удовлетвореніе радующихся, утѣшеніе плачущихъ, торжество въ день рожденія, собесѣдованіе съ Богомъ, созерцаніе невидимаго, низложеніе зла, исправленіе согрѣшающихъ, наслажденіе настоящимъ, осуществленіе будущаго“. Во второй бесѣдѣ, приступая къ объясненію самого текста молитвы Господней, проповѣдникъ сначала выражаетъ благоговѣйный страхъ предъ величіемъ предмета въ выраженіяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ какихъ Григорій Богословъ говоритъ о томъ, кому и какъ можно разсуждать о таинствѣ св. Троицы, затѣмъ нравоучительно объясняетъ слова: *Отче нашъ иже еси на небесѣхъ*. Приступъ третьей бесѣды состоитъ изъ сравненія новозавѣтнаго священства („I. Христосъ всякому равно даруетъ это достоинство, предложивъ желающимъ общую благодать священства“) съ ветхозавѣтнымъ; затѣмъ объясняются слова: *да святится имя Твое, да пріидетъ царствіе Твое*. Первыми словами мы какъ бы такъ говоримъ: да избавлюсь я отъ тлѣнія, да освобожусь отъ смерти, да буду разрѣшенъ отъ узъ грѣха, да не царствуетъ надо мною смерть, да не будетъ болѣе дѣйствительнымъ надъ нами самоуправство порока, да не преобладаетъ мною врагъ, да не водитъ меня плѣн-

никомъ порабощая грѣхомъ. *Да пріидетъ царствіе Твое.* Какое сладостное изрѣченіе! Имъ ясно приносимъ Богу слѣдующее моленіе: „да разсыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина иноплеменниковъ, да прекратится борьба плоти и духа, да не служитъ тѣло прибѣжищемъ непріятелю души, да явится на мнѣ царственное владычество, ангельская рука [1]). Четвертая бесѣда объясняетъ слова: *да будетъ воля Твоя яко на небеси и на земли; хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь.*

«Даждь намъ, говоритъ проповѣдникъ, перифразируя послѣднія слова, не забавы, не богатство, не доброцвѣтныя багряницы, не золотые уборы, не блескъ камней, не серебряные сосуды, не обширныя помѣстья, не военачальство, не владѣніе городами и народами, не стада коней и воловъ, не обиліе невольниковъ, не знаменитость на торжищахъ, не памятники, не изображенія, не шолковыя ткани, не увеселенія музыкой и не что-нибудь подобное, чѣмъ душа отвлекается отъ божественнаго, но *даждь хлѣбъ*. Сколько ученій содержится въ этомъ краткомъ изрѣченіи! Какъ бы такъ взываетъ Господь: перестаньте, люди, истощаться въ пожеланіяхъ суетнаго, на горе себѣ самимъ умножать поводы къ трудамъ! Не великъ твой естественный долгъ — доставлять тѣлу пищу. Для чего умножать повинности! Для чего налагаешь на себя иго, добывая серебро, откапывая золото, пріискивая прозрачное вещество. Для того ли, чтобы всѣмъ подобнымъ услаждать тебѣ этого всегдашняго собирателя податей—чрево, которому потребенъ только хлѣбъ? А ты отправляешься къ Индамъ, терпишь бѣды на чужеземномъ морѣ, пускаешься въ плаваніе на цѣлые годы, чтобы привезенными оттуда покупками усладить пищу, не обращая вниманія на то, что ощущеніе сладостей имѣетъ предѣломъ небо во рту, скоропреходящую и мгновенную пріятность». «Сказываютъ, что змій, если вставитъ голову въ пазъ стѣны, въ который вползаетъ, то не легко вытащить его изъ паза за хвостъ, потому что упирающаяся чешуя естественно противится усилію тянущаго; кому проходъ впередъ безпрепятственъ, потому что чешуя по гладкому скользитъ, для того обратный путь назадъ задерживаемый упорствомъ чешуи, затруднителенъ. Такъ слѣдуетъ беречься удовольствій, когда же вползаютъ въ скважины души, и наитщателнѣе заграждать пазы жизни. Ибо въ такомъ случаѣ жизнь человѣческая блюдется чистою отъ смѣшенія съ жизнію скотскою».

Въ пятомъ словѣ объясняются три послѣднія прошенія молитвы Господней. Между прочимъ проповѣдникъ здѣсь говоритъ:

[1]) Твор. Григ. ч. 1, стр. 424—425.

«Просишь объ оставленіи долговъ; почему же мучишь самъ должника? Умоляешь, чтобы рукописаніе на тебя было изглажено, а самъ тщательно хранишь договоры съ занявшими у тебя въ долгъ? Просишь объ уменьшеніи долговъ, а самъ данное въ долгъ приращаешь лихвою! Твой должникъ въ темницѣ, а ты въ домѣ молитвы! Онъ страдаетъ за долги, а ты испрашиваешь оставленія долга! Твоя молитва не услышана, потому что ее заглушаетъ голосъ страждущаго».

Говоря вообще, объясненія на молитву Господню Григорія по достоинству содержанія должны быть поставлены ниже не только толкованія на тотъ же предметъ Оригена, но и Кипріана.

Въ бесѣдахъ о блаженствахъ, какъ и о молитвѣ характеръ толкованія существенно разнится отъ объясненій на кн. Пѣснь Пѣсней и Экклезіаста: по самому характеру предмета здѣсь является менѣе мѣста иносказаніямъ и аллегоріямъ; вмѣсто такихъ толкованій они содержатъ въ себѣ рядъ прекрасныхъ частныхъ нравоучительныхъ мыслей, всегда обоснованныхъ на ученіи догматическомъ. Говоря объ отреченіи отъ суеты мірской, отъ чувственныхъ наслажденій, объ умерщвленіи въ себѣ страстей и похотей и т. д., проповѣдникъ обосновываетъ свои мысли на ученіи о древнемъ грѣхопаденіи, о порчѣ человѣческой природы и т. д. Достоинство содержащихся здѣсь догматическихъ мыслей таково, что Ефесскій соборъ приводитъ какъ основаніе для своихъ разсужденій о двухъ естествахъ въ І. Христѣ мысли Григорія, содержащіяся въ первой бесѣдѣ о блаженствахъ. Дамаскинъ въ своихъ „Параллеляхъ“ и Ѳедоритъ въ „Діалогахъ“ также приводятъ выдержки изъ этихъ бесѣдъ Григорія. Наглядность и живость объясненій—выдающаяся черта этихъ бесѣдъ. Особенно замѣчательны типы кичливаго въ первой бесѣдѣ и гнѣвливаго въ седьмой [1]) живо напоминающіе подобныя же классическіе характеристики у Василія Великаго.

Въ бесѣдѣ IV объясняя слова: *блажени алчущіи и жаждущіи*, проповѣдникъ замѣчаетъ, что какъ недостатокъ физическаго аппетита въ организмѣ есть признакъ скопленія въ желудкѣ нечистыхъ и дурныхъ соковъ, такъ недостатокъ алканія и жажданія правды есть признакъ накопленія въ нашей душѣ нечистыхъ стрем-

[1]) Соч. Григ. Нис. ч. II, стр. 459—464.

леній и помысловъ. Правды жаждетъ тотъ, кто желаетъ осуществить всѣ добродѣтели, заключающіяся въ общемъ имени праведности [1]). Объясняя слова: *Блажени чистіи сердцемъ*, св. Григорій спрашиваетъ: какимъ образомъ чистые сердцемъ могутъ узрѣть Бога, когда въ св. Писаніи говорится, что никто изъ людей видѣть Бога не можетъ, и отвѣчаетъ: Богъ невидимъ въ Своемъ существѣ, но Онъ видимъ по свойствамъ и дѣйствіямъ Своей благости, премудрости и всемогущества, которыя служатъ какъ бы естественнымъ свѣтомъ, способствующимъ видѣнію Бога. А люди, чистые сердцемъ, въ себѣ самихъ, кромѣ того, видятъ образъ Того, Кто есть виновникъ и первопричина всякой чистоты. Это подобно тому, какъ мы видимъ солнце въ его отраженіи, не имѣя нужды устремлять взоръ свой на самое солнце.

V.

Слова Григорія на разные случаи, сохранившіяся до нашего времени въ количествѣ двадцати семи, могутъ быть раздѣлены на три группы: догматическія, нравоучительно-обличительныя и похвальныя, хотя и въ догматическихъ содержится много нравоученій, и въ нравоучительныхъ есть ученіе догматическое, а въ похвальныхъ содержатся мысли и нравоучительныя и догматическія. Къ первымъ принадлежатъ: обширное слово къ скорбящимъ о преставльшихся отъ настоящей въ жизнь вѣчную, въ которомъ содержатся своеобразныя разсужденія проповѣдника о загробной участи людей (судя по его обширности, оно едвали было произнесено), „О Божествѣ Сына и Св. Духа и о вѣрѣ Авраама“, въ которомъ, обличая аномеевъ, Григорій сравниваетъ ихъ съ эпикурейцами и стоиками, отвергшими проповѣдь ап. Павла въ Аѳинахъ, и находитъ еретиковъ неизвинительнѣе язычниковъ и, опровергая обычныя ихъ выраженія, доказываетъ единосущіе Сына Божія съ Отцемъ особенно клятвою Бога Аврааму (Евр. VI, 13), что и дало основаніе впослѣдствіи къ прежнему заглавію слова: „О Божествѣ Сына и Св. Духа прибавить слова: „и о вѣрѣ Авраама“. Въ ора-

[1]) Тамъ же т. II, стр. 400—405.

торскомъ отношеніи въ этомъ словѣ замѣчательно драматическое изображеніе чувствъ матери въ лицѣ Сарры [1]); *слово о Св. Духѣ* противъ македоніанъ; слово противъ Арія и Савеллія. Затѣмъ сюда же принадлежитъ большая часть словъ праздничныхъ: на Рождество Христово и на избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ [2]); на день крещенія Господня; на день Пасхи; на вознесеніе Господне; на день Пятидесятницы и другія. Изъ пяти словъ на Пасху, извѣстныхъ подъ именемъ Григорія, лишь три принадлежатъ ему [3]). Въ первомъ, произнесенномъ ночью предъ пасхальнымъ богослуженіемъ, проповѣдникъ объясняетъ, что христіанская Пасха есть лишь осуществленіе того, что предрѣчено въ законѣ и у пророковъ, она есть истинно та суббота, которая установлена Моисеемъ. Отроча, рожденное Дѣвой Маріей, есть то овча, о которомъ предсказывалъ Исаія. Второе слово на Пасху состоитъ изъ двухъ частей: въ первой проповѣдникъ изображаетъ торжество праздника, призывая весь міръ къ прославленію Воскресшаго; во второй—доказываетъ истину воскресенія его необходимостію и возможностію. Оно необходимо, ибо Богъ не для того создалъ человѣка, чтобы оставить его погибнуть совершенно; по св. Писанію человѣку по смерти предлежитъ судъ; законъ правды требуетъ, чтобы и тѣло участвовало въ возмездіи за добродѣтель или грѣхъ. Оно возможно, ибо нѣтъ невозможнаго для Бога, создавшаго тѣло человѣка изъ земли, воскресившаго сына вдовы Наинской и Лазаря... *Слово на вознесеніе* представляетъ нравоучительное объясненіе псалмовъ XXIII и XXIV, пѣтыхъ въ храмѣ при богослуженіи въ этотъ праздникъ. *Слово на срѣтеніе* Селье и другіе считаютъ непринадлежащимъ Григорію на томъ основаніи, что самый праздникъ срѣтенія установленъ позже (именно по словамъ Кедрина въ 527 г., а по Ѳеофану даже въ 542 г.); но признавъ подлиннымъ слово на срѣтеніе [4]) св. Меѳодія Тирскаго († 311 г),

[1]) См. Твор. Григ. Нис. т. IV, стр. 390—391.

[2]) См. «Христ. Чтеніе» за 1837 г. Въ изданіи твореній Григорія москов. академіи это слово не важно.

[3]) См. Твор. Григ. Нисс. т. VIII, стр. 26—89.

[4]) См. въ нашемъ сочиненіи: *Исторія первобытной христіанской проповѣди* (Спб. 1885 г.) стр. 318 и слѣд.

мы охотнѣе склоняемся къ мнѣнію преосв. Филарета, который не затрудняется отнести это слово, издавна, на основаніи древнихъ рукописей приписываемое Григорію, къ числу подлинныхъ его произведеній. *Слово на рождество Христово и на избіеніе Виѳлеемскихъ младенцевъ*, отличается живою фантазіей и драматизмомъ изложенія; оригинальна, хотя нѣсколько и произвольна, картина избіенія младенцевъ [1]).

VI.

Принадлежность Григорію слова, озаглавленнаго: *„на свое рукоположеніе“* нѣкоторыми отвергается на томъ основаніи, что въ немъ упоминается о глубокой старости оратора, у котораго „и волосъ сѣдъ, и сила отъ времени ослабѣла, и рѣчь заминается и дрожитъ“. Что, однако, оно принадлежитъ Григорію, это съ несомнѣнностію доказывается сходствомъ по пріемамъ рѣчи въ немъ съ другими проповѣдями Григорія, несомнѣнно подлинными, его смиренной жалобой на недостатокъ ораторства въ немъ, его обычной полемикой противъ духоборцевъ, его сравненіями и терминологіей, наконецъ, тѣмъ, что не только во всѣхъ изданіяхъ, но и во всѣхъ манускриптахъ оно приписывается не кому-либо другому, какъ Григорію Нисскому. Такъ какъ во всей проповѣди нѣтъ ни слова о посвященіи проповѣдника, то обыкновенно думаютъ, что заглавіе слова, сдѣланное позже, неправильно, и указываютъ на то, что у Іоанна Дамаскина значится другое заглавіе этого слова,— περὶ τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει καταστὰς ἕως τον αγ. Γρηγορίᾳ, и въ этомъ видятъ основаніе думать,—одни—что это слово произнесено на константинопольскомъ соборѣ 381 г. или 387 г. (послѣднее мнѣніе — у Фесслера и Миня), чему подтвержденіемъ можетъ служить, повидимому, то обстоятельство, что какъ видно изъ самаго слова, оно говорено въ собраніи епископовъ, непосредственно въ слѣдъ за рѣчами нѣсколькихъ другихъ ораторовъ [2]), въ великолѣпномъ храмѣ, потолокъ котораго былъ роскошно укра-

[1]) См. «Христ. Чтен.» 1837 г. т. IV стр. 267—269.

[2]) Твор. Григ. Нисс. т. VIII, стр. 362.

шенъ позолотою. Но кажется слѣдуетъ признать болѣе вѣрнымъ предположеніе Сельe о томъ, что слово произнесено при освященіи храма, построеннаго близъ Халкидона префектомъ преторіи Руфиномъ, сначала управлявшимъ государствомъ, а потомъ казненнымъ въ 394 г. (о чемъ разсказываетъ Созоменъ) [1]), на это освященіе Руфинъ собралъ и нѣсколькихъ епископовъ и множество монашествующихъ. Паниль думаетъ, что это слово произнесено на послѣдовавшемъ за освященіемъ Руфинова храма константинопольскомъ соборѣ 394 г. Содержаніе слова составляетъ защищеніе Божества Духа Святого противъ македоніанъ. Здѣсь же Григорій съ прискорбіемъ говоритъ о взаимныхъ распряхъ между православными, проявившихся въ то время, какъ еретики жили въ большемъ согласіи между собою и въ своихъ дѣйствіяхъ противъ православія были единодушны. Этотъ упрекъ, кромѣ смутъ, произведенныхъ аравійскими епископами Багадіемъ и Агаѳіемъ изъ за каѳедры Бострійской, вызванъ былъ продолжавшимся раздѣленіемъ въ церкви антіохійской между приверженцами Ѳеофила и Флавіана. Здѣсь же Григорій упоминаетъ о прибывшихъ на соборъ епископахъ месопотамскихъ, обладавшихъ даромъ исцѣлять больныхъ и изгонять бѣсовъ.

Похвальныя слова св. Григорія (св. первомученику Стефану, великомуч. Ѳеодору Тирону, три слова св. сорока мученикамъ, св. Григорію Чудотворцу, св. Ефрему Сирину, св. Василію Великому, св. Мелетію; сюда же можно отнести надгробныя слова императрицѣ Плациллѣ и дочери императора Пульхеріи) не принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ его ораторства и ниже подобныхъ произведеній Василія Великаго и Григорія Богослова. Въ похвальномъ словѣ св. Григорію Чудотворцу, онъ опредѣляетъ христіанскій панегирикъ согласно съ тѣмъ понятіемъ о немъ, какое мы видимъ у Василія В. и Григорія Богослова [2]). Панегиризмъ Григорія нерѣдко переступаетъ установленное практикой христіанскаго учительства и признаваемые самимъ Григоріемъ предѣлы. Такъ своего брата Василія онъ приравниваетъ къ апостоламъ Петру, Іакову, Іоанну, Павлу и ставитъ на ряду съ ними, какъ его про-

[1]) Церк. ист. VIII, 17.

[2]) Твор. Григ. VIII, 28—30, также VIII, 218.

изведенія въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ ставитъ непосредственно послѣ св. Писанія [1]). Во всѣхъ этихъ словахъ больше натянутаго, изысканнаго краснорѣчія и риторизма, чѣмъ въ другихъ проповѣдяхъ Григорія. Преобладающее содержаніе этихъ словъ составляетъ краснорѣчивый пересказъ обстоятельствъ жизни похваляемаго, сопровождаемый объясненіями высокаго нравственнаго характера и достоинства каждаго изъ этихъ дѣяній и соотвѣтственными нравоучительными наставленіями слушателямъ. Слово въ честь св. Стефана наполовину состоитъ изъ догматико-полемическихъ разсужденій о Св. Духѣ, для чего поводомъ служитъ видѣніе св. Стефана. Словъ Григорія на день памяти св. сорока мучениковъ Севастійскихъ мы имѣемъ три. Такое нарочитое вниманіе къ этимъ святымъ объясняется тѣмъ, что Севастія была городомъ, изъ котораго происходилъ родъ Григорія, находилась въ митрополіи Василія и имѣла епископомъ его брата Петра, почему была въ нѣкоторомъ родѣ роднымъ городомъ и для Григорія. Св. Еммелія, собравшая останки св. мучениковъ и устроившая для нихъ раку въ святилищѣ храма, первая устроила и празднество въ честь ихъ еще въ годы молодости Григорія [2]). Произнесены были всѣ три слова, вѣроятно, около 380 г., въ бытность тамъ епископомъ Петра. Первое очень краткое слово составляетъ лишь приступъ къ прославленію св. мучениковъ и начало самой рѣчи о нихъ, которую проповѣдникъ долженъ былъ неожиданно прекратить по причинѣ происшедшаго отъ необычайнаго стеченія народа шума въ церкви, заглушавшаго рѣчь „тихогласнаго и медленнаго въ словѣ“ [3]) проповѣдника. На второй день онъ продолжилъ начатое, и это второе слово, весьма значительное по объему, вполнѣ исчерпываетъ предметъ, подробно обозрѣвая мученическій подвигъ св. сорока воиновъ. Третье слово произнесено уже не въ Севастіи, а въ церкви, сооруженной въ честь этихъ мучениковъ, въ которой хранились ихъ останки, находившейся вѣроятно въ предѣлахъ епархіи Григорія. Здѣсь Григорій, упомянувъ о похвальномъ словѣ

[1]) Тамъ же, т. VIII, 297.

[2]) Твор. Григ. Нис. т. VIII, стр. 252.

[3]) Тамъ же, т. VIII, 220.

Василія тѣмъ же мученкамъ, кратко обозрѣваетъ опять исторію ихъ страданій, особенно подробно объясняя всю мучительность истязаній, которымъ ихъ подвергали. Всѣ слова въ честь святыхъ особенно цѣнны по изложенію православнаго ученія о ходатайствѣ святыхъ предъ Богомъ и о почитаніи ихъ мощей. Похвальныя слова Григорію Чудотворцу (подлинность которыхъ заподозриваютъ протестантскіе патрологи) св. Ефрему Сирину и Василію Великому весьма обширны по объему, представляютъ подробное изложеніе ихъ жизни и подвиговъ и вмѣстѣ съ тѣмъ первоисточникъ для ихъ біографіи равно какъ и для церковной исторіи ихъ времени. Слово св. Мелетію, одно изъ двухъ произнесенныхъ надъ его гробомъ въ присутствіи отцевъ второго Вселенскаго собора въ 381 г., отличается большою силою чувства и задушевностію. Проповѣдникъ называетъ св. Мелетія новымъ апостоломъ, лучшимъ изъ епископовъ своего времени, упоминаетъ о проповѣднической его дѣятельности и оплакиваетъ Антіохію, потерпѣвшую столь великую утрату. Лучшими изъ похвальныхъ словъ Григорія считаются надгробныя слова Пульхеріи, умершей шестилѣтнимъ ребенкомъ въ 385 г. и императрицѣ Плациллѣ (точнѣе Флациллѣ), неожиданно скончавшейся нѣсколькими днями позже во время леченія водами во Ѳракіи. Селье говоритъ, что эти два слова по достоинству равняются всему, что оставила намъ лучшаго въ этомъ родѣ древность. Въ первомъ изъ нихъ проповѣдникъ почти буквально повторяетъ тираду изъ своего ранѣе произнесеннаго слова о Божествѣ Отца и Сына, содержащую выраженіе скорби, какую должна была бы испытать и выразить Сарра, если бы знала о намѣреніи Авраама принести въ жертву Исаака [1]). Изображая всю тяжесть утраты въ лицѣ Пульхеріи, проповѣдникъ за тѣмъ указываетъ утѣшеніе для скорбящихъ въ словахъ І. Христа: оставите дѣтей приходити ко Мнѣ, *тацѣхъ бо есть Царствіе небесное*. „Дитя разлучилось съ тобою; но оно возвратилось къ Богу; закрыло очи для тебя, но открыло ихъ для вѣчнаго свѣта; не присутствуетъ при твоей трапезѣ, но присоединилось къ трапезѣ ангельской. Исторг-

[1]) Сравн. твор. Григ. Нисск. т. VIII, стр. 498 и т. IV, стр. 390—391.

нуто растеніе отъ Сіона, но оно посажено въ раю, перемѣщено изъ царства въ царство, сняло украшеніе порфиры, но облеклось одѣяніемъ вышняго царства". Надгробное слово Плациллѣ, одной изъ замѣчательнѣйшихъ женскихъ личностей въ исторіи христіанскаго общества, всѣми любимой за свою щедрую благотворительность, изобилуетъ краснорѣчивыми мѣстами, каково, напримѣръ, то мѣсто, гдѣ проповѣдникъ, изобразивши правдиво доблести почившей, разсказываетъ какъ само небо проливало слезы о ней въ день погребенія (въ этотъ день шелъ дождь) и какъ между присутствовавшими на похоронахъ дождь изъ очей былъ не менѣе ливша̀го въ то время дождя изъ облаковъ [1]). Между прочимъ проповѣдникъ указываетъ на присутствіе при ея гробѣ невнино осужденныхъ, освобожденныхъ отъ казни по ея ходатайству.

VII.

Лучшими и во многихъ отношеніяхъ безусловно прекрасными являются *нравоучительныя и нравообличительныя* слова Григорія. При бо́льшей простотѣ языка, при отсутствіи риторизма, они отличаются силою истинно-ораторскаго одушевленія и неподдѣльною искренностію чувства. Таковы прежде всего два слова *о любви къ бѣднымъ*, изъ которыхъ первое произнесено во время великаго поста. Въ яркихъ и разительныхъ чертахъ изображаетъ проповѣдникъ бѣдность и болѣзнь.

«Въ предшествовавшіе два дня мы обуздывали привязанность къ наслажденіямъ гортани и чрева; не подумайте, что и нынѣ я буду говорить о томъ, какъ хорошо отказаться отъ мяса и воздерживаться отъ смѣхолюбиваго и шумливаго вина, остановить усердіе поваровъ и совершенно утомляющуюся руку виночерпія»... «Поститесь отъ злобы, воздерживайтесь отъ пожеланія чужого, отъ неправой корысти; умерщвляйте голодомъ сребролюбіе мамоны, отъ насилія и хищенія. Что пользы, если ты не подносишь къ устамъ мяса, а угрызаешь брата злобою? Какая выгода, если ты своего не ѣшь; а не право взялъ принадлежащее бѣдному? Какое это благочестіе, если пія воду, уготовляешь ковар-

[1]) Твор. Григ. Нис. VIII, 412.

ство и жаждешь, по злобѣ, крови? Постился и Іуда, но не укротивъ сребролюбиваго нрава, не получилъ отъ воздержанія никакой пользы. И дьяволъ не ѣстъ, ибо онъ—духъ. Если воздерживаясь отъ вина и мяса, мы виновны въ грѣхахъ воли, то не принесутъ намъ никакой пользы вода и овощи, и безкровный столъ»... «Настоящее время представляетъ намъ большое обиліе лишенныхъ одежды и крова: множество плѣнныхъ находится у дверей каждаго, и въ странникахъ и пришельцахъ нѣтъ недостатка; вездѣ можно увидѣть протянутую просящую руку. Домъ ихъ—воздухъ подъ открытымъ небомъ; гостинницы — портики, улицы и пустыри на площадяхъ. Подобно ночнымъ воронамъ и совамъ, они скрываются въ трущобахъ. Одежда ихъ — изорванныя лохмотья, пища—что перепадетъ отъ кого-нибудь, питіе — какъ безсловесныимъ источники, сосудъ для питья—пригоршни; кладовая—пазуха, и та если не разорвана; столъ—сжатыя колѣна; постель—земля, баня—рѣка или озеро. Имъ помоги, постящійся! О несчастныхъ братьяхъ позаботься! Что ты отнялъ у своего чрева, предложи алчущему. Страхъ Божій да будетъ справедливымъ уравнителемъ. Благоразумнымъ воздержаніемъ уврачуй два противоположныя страданія: свое пресыщеніе и голодъ брата. Послушайте добраго увѣщанія; слово наше да отворитъ дверь достаточныхъ; совѣтъ нашъ да введетъ бѣднаго къ имущему. Ласковымъ словомъ оплодотворяй употребленіе твоихъ стяжаній. Кромѣ сихъ, есть еще другіе нищіе—больные и лежащіе. Каждый пусть заботится о сосѣдяхъ. Не попускай, чтобы другой послужилъ твоему ближнему. Да не возьметъ другой сокровища, тебѣ предложеннаго. Обними несчастнаго, какъ золото. Заключи въ объятіе потерпѣвшаго несчастіе, какъ твое здравіе, жены, дѣтей, домашнихъ и всего дома. Убогій и больной вдвойнѣ бѣденъ. И здоровые неимущіе ходятъ по имущимъ или сидя на перекресткахъ взываютъ къ неимущимъ. А эти, связанные болѣзнію, заключенные въ тѣсныхъ жилищахъ, какъ Даніилъ во рвѣ, ожидаютъ тебя богобоязненнаго и нищелюбца, какъ Аввакума. Будь другомъ пророку посредствомъ милостыни, предстань нуждающемуся скорымъ и нелѣностнымъ кормильцемъ. Даяніе неубыточно, — плодъ милостыни произрастаетъ обильно. Посѣвай раздавая, и исполнишь долгъ добрыхъ пріобрѣтеній.—Но скажешь: и я бѣденъ. Пусть такъ—давай, что имѣешь,— Богъ не требуетъ сверхъ силъ. Ты дашь хлѣбъ, другой — чашу вина, иной—одежду и такимъ образомъ общими пожертвованіями уничтожится несчастіе одного. Не призирай бѣдныхъ, больныхъ. Подумай, кто они: они носятъ на себѣ образъ Спасителя нашего. Человѣколюбецъ и имъ далъ собственный образъ; они подобны тѣмъ, которые насилующимъ указываютъ на царскія изображенія, чтобы образомъ владычествующаго устыдить презрителя. Они сокровищехранители ожидаемыхъ благъ, привратъ-

ники царствія, они и сильные обвинители и добрые защитники. Дѣлаемое для нихъ взываетъ къ Сердцевѣдцу внятнѣе всякаго глашатая» [1]).

Изъ этихъ небольшихъ выдержекъ видно, какъ просто, но въ тоже время сильно и убѣдительно умѣетъ говорить проповѣдникъ. Не менѣе сильными чертами изображаетъ проповѣдникъ состояніе бѣдныхъ и больныхъ во второмъ словѣ о нищелюбіи [2]), сказанномъ на текстъ: *понеже сотвористе единому сихъ* и проч. (Мѳ. XXV, 40). Доводы, которыми проповѣдникъ убѣждаетъ слушателей къ помощи бѣднымъ и больнымъ состоятъ: 1) въ указаніи на награды милостивымъ на всеобщемъ судѣ („пріидите благословенніи Отца Моего"...) и наказанія немилостивымъ („идите отъ Мене проклятіи"...); 2) въ указаніи на единство природы всѣхъ людей; если сами ангелы не гнушаются общенія съ людьми и самъ Царь небесный благоволилъ облечься въ нашу плоть: не тѣмъ ли болѣе мы не должны устраняться отъ общенія съ существами, равными съ нами по природѣ, хотя и бѣдными; 3) если мы печемся даже о животныхъ и ихъ питаемъ, не тѣмъ ли болѣе обязаны мы оказывать всякое попеченіе о существахъ одной съ нами природы; 4) въ трогательномъ изображеніи состоянія бѣдныхъ и больныхъ, которое одно достаточно для того, чтобы побудить насъ къ состраданію и милости; 5) въ обязательности для насъ заповѣди Божіей печься о членахъ тѣла Церкви, къ которому и мы сами принадлежимъ; 6) въ увѣреніи, что въ будущей жизни мы получимъ обратно съ избыткомъ то, что дано нами бѣднымъ ради имени Божія.

Отчасти однородно съ этими двумя словами по содержанію *слово о ростовщичествѣ*, этой страшной язвѣ современнаго проповѣднику общества, которой посвятилъ одно изъ краснорѣчивѣйшихъ своихъ словъ Василій, и которой отчасти касался, какъ мы видѣли, и Григорій Нисскій въ другомъ своемъ словѣ. Оно во всѣхъ отношеніяхъ достойно стать на ряду съ лучшими произведеніями Василія и Григорія Богослова. Тонкость психологическаго анализа, яркія картины житейскаго быта, высокое лирическое оду-

[1]) Твор. Григ. Нис. т. VII, стр. 396—402.

[2]) Твор. Григ. Нис. т. VII, стр. 416—420.

шевленіе проповѣдника, сильное безпощадное разоблаченіе низкихъ побужденій и гнусныхъ чувствъ ростовщиковъ вмѣстѣ съ чувствами живѣйшей симпатіи и состраданія къ эксплоатируемымъ ими бѣднякамъ—таковы характеристическія черты этой превосходной проповѣди.

Небольшое слово на слова: *блудяй во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. VI, 18) сравниваетъ духовную жизнь человѣка съ воинскими занятіями, и объясняетъ какъ въ томъ и другомъ случаѣ необходимо защищаться и нападать, а въ настоящемъ случаѣ — бѣгать блудодѣянія. Мысль свою проповѣдникъ поясняетъ интерпретаціей примѣра Іосифа.

Сильно и убѣдительно говоритъ проповѣдникъ въ словѣ „противъ отлагающихъ крещеніе“.

«Выходите изъ темницы, прошу васъ, говоритъ онъ къ отлагающимъ крещеніе. Возненавидьте темныя жилища грѣха. Голова уже сѣдѣетъ, близка жатва жизни, можетъ быть серпъ уже точится на насъ, и я боюсь, чтобы не пришелъ грозный жнецъ въ то время, когда мы спимъ... Но я юноша, говоришь ты, еще не состарѣлся. Не обманывайся: смерть не стѣсняется условіями возраста; она не боится находящихся въ цвѣтѣ лѣтъ, не надъ стариками только имѣетъ власть. Вижу я, что когда случится несчастіе, землетрясеніе или язва, или нашествіе враговъ, всѣ спѣшатъ усердно къ крещальнѣ, чтобы не отойти изъ міра не причастными благодати. Что же? Развѣ не имѣютъ силы, равной онымъ бѣдствіямъ, другія и неожиданныя несчастія? Будемъ беречься безстрастія. Немного нужно, чтобы мѣхъ, наполненный воздухомъ, расторгся. Обезопась же себя отъ неизвѣстности и непостоянства. Не торгуйся съ благодатію, чтобы не лишиться дара».

Многіе изъ отцовъ церкви IV в. говорили противъ этого страннаго явленія христіанской жизни того времени; но едва ли кто изъ нихъ говорилъ объ этомъ съ такою силою и доказательностію, какъ Григорій Нисскій.

Въ словѣ „противъ тяготящихся церковными наказаніями“ вызванномъ ропотомъ на строгость пастырскихъ обличеній Григорія и его церковно-дисциплинарныхъ мѣръ для исправленія согрѣшающихъ, хорошо изображеніе достоинства разумной природы человѣка въ сравненіи съ низшими ея инстинктами, составляющее вступленіе. За-

тѣмъ проповѣдникъ сильно говоритъ о важности дисциплинарныхъ лицъ церкви и о необходимости повиноваться имъ. „Ты не подвизаешся о праведности, ты не упражняешся въ добродѣтели, не радишь о молитвѣ. Все это доказывалъ вчерашній день. Какими глазами будешь ты смотрѣть на день воскресный, оскорбивъ субботу? Было бы меньше зла, если бы мы, не понимая сами того, что полезно намъ, по крайней мѣрѣ вѣрили тому, Кто указываетъ намъ полезное. Но сдѣлаютъ ли намъ выговоръ, мы огорчаемся, услышимъ ли слово суровое, негодуемъ на обличающаго, затворяютъ ли намъ дверь въ церковь отлученіемъ, мы злословимъ. Ученикамъ несвойственны такіе поступки, такое непослушаніе: такъ могутъ поступать только люди дерзкіе и упорные“.

Указавъ, на чемъ основано право отлученія отъ церкви и чѣмъ оно вынуждено, а также на примѣры отлученія въ древней церкви, Григорій продолжаетъ: „отлученіе, которому подвергъ тебя епископъ, не считай дѣломъ его своеволія. Это древнее отеческое установленіе, родившееся еще подъ закономъ, и удержанное въ домостроительствѣ новой благодати. Мы не бьемъ тебя какъ раба, а вразумляемъ какъ свободнаго; не тѣло поражаемъ, а смягчаемъ душу. Я не смущаюсь, когда упорнѣйшіе изъ учениковъ моихъ гнѣваются на меня. Это общая судьба людей: кто повелѣваетъ другими, тотъ для подчиненныхъ всегда тягостенъ, а для порочныхъ и беззаконныхъ ненавистенъ; тотъ всегда наноситъ скорбь, кто препятствуетъ дѣлать грѣхъ“. Прекрасно затѣмъ проповѣдникъ говоритъ объ отношеніи народа къ Моисею, Исаіи, Іереміи, къ другимъ пророкамъ, къ самому І. Христу, къ апостоламъ. „Зачѣмъ намъ роптать, служителямъ Распятаго? Какъ отецъ или мать, я готовъ сносить твое упорство и раздраженье!“

Изъ этого слова мы видимъ, что обличенія Григорія казались его слушателямъ жестокими, его нравственныя требованія чрезмѣрными и возбуждали настоящій ропотъ. Его „порицали по угламъ, называя его способъ ученія грубымъ“ [1]). Дѣйствительно, развѣ у Златоуста еще можно встрѣтить обличенія столь же сильныя, какъ

[1]) Твор. Григ. Нис. т. VII, стр. 482.

въ проповѣдяхъ Григорія. Но гораздо чаще чѣмъ жаловаться на ропотъ, имѣлъ случай Григорій упоминать о полномъ вниманіи къ нему. Неоднократно съ трогательною радостію и благодарностію говоритъ онъ о такомъ вниманіи въ словѣ на *день сорока мучениковъ*.

«Чѣмъ, предполагаю, многіе тяготятся, тому я мысленно радуюсь. Многимъ, вѣроятно, непріятно толпиться между собою въ тѣснотѣ, а для меня — въ этомъ верхъ радости. Ибо радуется око пастыря, видя, какъ его стадо тѣснится отъ множества и переполняетъ ограду; хотя и не мала эта ограда овчая, но просторное мѣсто дѣлается тѣснымъ для стада многочисленнаго. Подлинно это значитъ, какъ говоритъ нѣгдѣ апостолъ, быть утѣсняему, но не стѣснену» [1]).

Подобнымъ же образомъ говоритъ Григорій въ началѣ похвальнаго слова Ѳеодору Тирону [2]).

«Нынѣ узнаю мое стадо, говоритъ проповѣдникъ въ словѣ на день свѣтовъ; сегодня вижу обычный видъ церкви, когда возненавидѣвъ попеченіе о плотскихъ заботахъ, въ совершенной полнотѣ стеклись вы на служеніе Богу. Тѣснится народъ въ домѣ Божіемъ, во внутренности недоступнаго святилища. Подобно пчеламъ наполняютъ и внѣшнія мѣста въ притворахъ тѣ, которые не помѣстились внутри. Такъ и дѣлайте, чада, и не оставляйте своей ревности. Ибо когда такъ бываетъ, слово для меня столь же пріятный трудъ, какъ для пастуховъ пастушескія пѣсни» [3]).

Н. Барсовъ.

---

[1]) Тамъ же т. VIII, стр. 213.

[2]) Тамъ же т. VIII, 198.

[3]) См. твор. Григ. Нис. т. VIII, стр. 1.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки